

УДК 811.161.1

«ГЛАГОЛ ↔ ИМЯ»: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ВЗАИМОБОГАЩЕНИЕ

Гайсина Р. М.

Башкирский государственный университет, г. Уфа

Статья посвящена теоретическому осмыслению и практической аргументации проблемы межкатегориального взаимодействия «глагол ↔ имя». Демонстрируется круговое движение признакового понятия от изосемической категории (глагол) к неизосемической (существительное) и обратно – от именной категории к глагольной, отражающее силу глагольного магнетизма и процесс семантико-функционального оглаголивания имен.

Ключевые слова: глагольно-именные взаимодействия, глагольная энергетика, межкатегориальный переход понятия, семантико-функциональное оглаголивание имен, тенденция к анализируемому в сфере глаголов.

Постановка проблемы. Проблема межкатегориального взаимодействия имени и глагола как центральных частей речи привлекала постоянное внимание лингвистов XIX–XX вв. и не теряет актуальности до настоящего времени.

В работах А. А. Потебни содержится фундаментальная идея о внутриязыковом энергетическом факторе, определяющем саморазвитие и самоорганизацию языка. Широко известна идея Потебни об энергичности глагола как самой прогрессирующей категории языка, о том, что межчастеречные глагольно-именные взаимодействия происходят под влиянием проявляющейся в ходе развития языка тенденции к усилению глагольности и к распространению глагольной энергии на слова других частей речи. По Потебне, межчастеречные взаимодействия глагола и имени ведут к оглаголиванию последнего. Следует подчеркнуть, что, говоря об оглаголивании имен, Потебня имеет в виду не формальный, а функционально-смысловой аспект этого процесса. Он отмечал, в частности, «изменение значения и круга деятельности существительного» [13, с. 5] под влиянием глагола, усиление элементов глагольности в семантике и синтаксическом поведении имен. В связи с этим, по Потебне, «различие имени и глагола должно быть только формальное, то есть должно состоять не в содержании, а в способе его представлять» [12, с. 88]. Эти идеи Потебни большинством ученых не были приняты, считались недоказанными [11, с. 101] и даже противоречащими фактам языка [6, с. 48; 7, с. 338–339].

На наш взгляд, идея Потебни о распространении глагольной энергии на имена и функционально-семантическом оглаголивании имен глубока и плодотворна и находит свое подтверждение и развитие в лингвистике середины и второй половины XX века, в частности в учении о вторичных синтаксических функциях имен. В отличие от глаголов, обладающих исключительной предикативностью (сказуемостью), имена, кроме своих собственных синтаксических функций, согласующихся с их категориальным значением, могут выполнять и другие, в частности сказуемостные, функции. Как отмечает Потебня, даже «существительные с забытым признаком» обла-

дают этой способностью, так как «сохраняют память о своих прежних предикатах и атрибутах»; например, смысл слова *рыба* в предложении *Этот человек – рыба* может быть истолкован «плавает, как рыба» или «нем, холоден, как рыба», так как помнятся сочетания «рыба плавает, рыба нема» и пр. [13, с. 81]. В сказуемых функциях у предметных существительных, по словам Потебни, происходит «устранение субстанциональности» [13, с. 313], что составляет «лишь другую сторону усиления глагола» [13, с. 5]. В полном соответствии с данными рассуждениями Потебни находится положение об устранении денотативно ориентированных сем и усилении предикативных (признаковых) элементов значения у предметных существительных при их предикативном употреблении, развиваемое во второй половине XX в. [4; 14; 15].

Цель статьи – проследить движение научной мысли в решении проблемы глагольно-именных взаимодействий в лингвистической русистике XIX–XX вв.

Идея Потебни о росте семантических элементов глагольности у имен содержится и в учении о предикатных именах существительных как об «имплицитных глаголах», которые, подобно глаголам, несут в себе «заряд сказуемости» [5, с. 27; 10; 20, с. 123–136], поскольку возникают в результате перевода предикативной фразы в именную. Для наименования этого процесса был введен термин «номинализация» [1]. Подчеркнем, что Потебня сравнивал предикатные имена существительные с предложениями, состоящими из подлежащего и сказуемого [12, с. 94 и след.]. Эти идеи Потебни имплицитно содержатся и в учении о семантической близости глаголов и качественных имен прилагательных, разрабатываемом в трудах лингвистов второй половины XX в. [16; 17; 21]. Более того, развитие лингвистики конца XX – начала XXI вв. подтверждает, что идея Потебни об энергетическом воздействии глагола на имена заключает в себе теоретический исход складывающейся в настоящее время синергетической парадигмы в языкознании, в рамках которой признается синергетичность языка в целом.

Идеи Потебни об усилении глагола подтверждаются не только проявлением глагольных элементов в значении и деятельности (функционировании) предметных имен существительных, о чем говорилось выше, но и расширением класса предикатных существительных, изначально лишенных субстанциональности и обобщающих, подобно глаголам, действия, состояния, отношения. Предвидится возражение, что следствием глагольно-именных взаимодействий является образование не только отглагольных имен, но и отыменных глаголов, что может свидетельствовать о расширении именного влияния на грамматическую категорию глагола. Акад. В. В. Виноградов, например, отмечал, что «именные основы все шире и шире влияют в область глагола и производят в ней резкие изменения»; в частности, влияние имени на глагол «сказалось на вытеснении и резком сокращении форм так называемого «многократного» вида, а также вообще на ослаблении значений и оттенков кратности», «в непереходных отыменных глаголах суживается сфера употребления приставок <...> и ограничивается разнообразие видовых оттенков» и т. д. [7, с. 339]. Основываясь на таких наблюдениях, В. В. Виноградов делает вывод о том, что «борьба разных грамматических классов в современном русском языке вовсе не от-

ражает абсолютного перевеса глагола» [7, с. 339]. Однако мы не спешим соглашаться с этим выводом уважаемого академика.

Действительно, не только имена испытывают влияние глагола, пополняясь за счет глагольных основ, но и глагол подвергается воздействию имен, используя для своего количественного роста именные основы. Однако для того, чтобы определить, какая же из двух взаимодействующих в процессе словообразования грамматических категорий – глагол или имя – имеет перевес, на наш взгляд, необходимо ответить по крайней мере на следующие вопросы: 1) Сопровождается ли формальный переход основы из одной категории в другую освобождением от семантических элементов исходной категории или эти элементы продолжают в ней сохраняться? 2) Какова роль данных элементов в переосмыслении конституирующих признаков другой категории? 3) Находится ли основа, перешедшая в другую категорию, под воздействием «магнитного поля» исходной категории и проявляет ли она стремление вернуться в материнскую категорию?

Изучение соответствующей научной литературы под данным углом зрения, а также дополнительный анализ языкового материала позволяют сделать выводы, подтверждающие правильность мыслей Потебни о распространении глагольной энергии на имена. Глагольная основа, перейдя в грамматическую категорию имени существительного, не выходит из-под влияния материнской категории, она продолжает сохранять значительный потенциал функционально-семантической глагольности. Так, грамматическая субстантивация глагола (*читать – чтение*) не всегда означает и семантическую субстантивацию, поскольку грамматическая субстантивация глагола в данном случае происходит в рамках одной семантической (логической) категории – категории признака (ср.: *читать – чтение, ходить – ходьба*). Да и образование такого имени вызвано собственно глагольными потребностями: признаковое существительное возникает для замещения актантных позиций, которые, как известно, задаются прежде всего глаголом. Иными словами, процесс синтаксической деривации изначально предопределен предикатно-аргументной структурой глагола. Субстантивная же основа, подвергаясь грамматическому оглаголиванию (ср.: *зверь – звереть, винт – винтит*), полностью теряет признаки субстанциональности, становясь глаголом не только в формально-грамматическом и функциональном, но и семантическом отношении. Переход имени существительного в грамматическую категорию глагола сопровождается обязательным изменением семантической категориальности.

Предикатное (признаковое) имя, функционируя в составе грамматической категории существительного, продолжает испытывать на себе семантическое влияние материнской категории – исходного глагола. Именно исходный глагол регламентирует развитие полисемии у отглагольных существительных, позволяя им развивать прежде всего такие значения, которые соотносятся с его (глагола) валентностной (актантной) структурой, – значения субъекта (*командование полком – командование полка*), объекта (*быть в выигрыше – крупный выигрыш*), результата (*вывих голени – вправить вывих*), инструмента действия (*поднос блюд – поднос для блюд*) и т. д. (см. об этом: [2, с. 187–200]).

Как известно, глагол может переходить в категорию имени и с изменением семантической категориальности (ср.: *работать* – *работник*, *учить* – *учитель*, *ученик*, *выключать* – *выключатель*, *читать* – *читатель*, *читальня*). Но свидетельствует ли это о том, что данные слова с предметно-личным значением вышли из-под влияния материнской (т. е. глагольной) категории? Безусловно, нет. Возникновение отглагольных существительных с предметно-личным значением строго регламентируется исходным глаголом. Такие слова представляют собой результат лексикализации семантических валентностей производящего глагола – например субъекта (*читать* – *читатель*, *отец*; *учить* – *учитель*), объекта (разг. пренебр. *чтово*; *ученик*), локатива (*читальня*, *училище*), средства (*учебник*) (см. об этом: [3, с. 294–295; 9, с. 238–239; 19, с. 94 и след.]). Таким образом, семантика отглагольных предметно-личных имен существительных, как и семантическая деривация в области отглагольных признаков имен существительных, предопределена предикатно-актантной структурой образующего глагола.

Организирующая роль предикатно-актантной структуры глагола в области словообразования подтверждается и результатами анализа семантических признаков отглагольных прилагательных: отглагольные прилагательные возникают прежде всего для обозначения процессуальных признаков предметов, наименования которых могут замещать различные валентности исходного глагола: отглагольные прилагательные обозначают признаки субъекта (*разговорчивый человек*), объекта (*вишивной рукав*), инструмента (*дробильный станок*), локатива (*читальный зал*, *записная книжка*), аспекта (*отличительный признак*) и других возможных участников (актантов) обозначаемой производящим глаголом ситуации (см. об этом: [8]).

Подчеркнем, что даже отсубстантивные прилагательные имплицитно в своем значении семантику глагольного предиката, связывающего актанты, названные, во-первых, основой отсубстантивного прилагательного и, во-вторых, определяемым словом. Поэтому при расшифровке значения отсубстантивного прилагательного необходимо эксплицитно этот предикат: *лесной цветок* – *цветок*, который растет в лесу; *лесные звуки* – звуки, которые издает лес; *лесная избушка* – избушка, которая расположена в лесу; *лесные звери* – звери, которые обитают в лесу.

Энергия глагольной категории распространяется и на деривационные связи прилагательного с образованным от него существительным. Признается, что отадъективные признаковые существительные типа *высота*, *смелость* образуются от прилагательных не в функции определения, а в функции сказуемого, то есть от оглаголенных прилагательных, что обуславливает семантическое сходство отадъективных и отглагольных предикатных существительных. Заклучая в себе семантические элементы глагольности, отадъективные и отглагольные существительные находятся под сильным воздействием глагольного магнетизма и проявляют стремление вернуться в исходную, адекватную их семантике грамматическую категорию глагола, то есть оглаголиться и в формально-грамматическом отношении. Но, поскольку образовать от таких существительных синтетический глагол, как правило, затруднительно, их оглаголивание происходит аналитическим путем: *чтение* – *заниматься чтением*, *служба* – *нести службу*, *равенство* – *быть/находиться в равенстве*. Иначе говоря, образование предикатных имен существительных – это

шаг к дальнейшему их оглаголиванню. Таким образом, глубоко прав был Потебня, подчеркивая, что глагол является прогрессирующей категорией языка. Именно в области глагола зарождаются новые тенденции, свидетельствующие о дальнейших перспективах развития языка, в частности о тенденции к аналитизму.

Глагол распространяет свое семантическое влияние и на область отсубстантивных существительных. Так, отсубстантивные образования с абстрактным значением типа *актерство, геройство, школярство* и под. в функционально-семантическом плане представляют собой номинализацию именно предикатов *быть актером, быть героем, быть школяром* и под. (см. об этом: [18]). Влияние актантной структуры глагола проявляется и в области отсубстантивных имен конкретной семантики. На это указывал Ю. Д. Апресян: «В случаях типа *садовник, творожник, коровник* и т. п. на достаточно глубоком уровне обнаруживается та же система актантных значений (субъект, объект, место и т. п.), что и в случаях классического отглагольного словообразования». Мы разделяем утверждение Ю. Д. Апресяна, что «в большинстве словообразовательных типов <...> семантически имеет место отглагольное словообразование, независимо от того, сопутствует ли ему формальная производность от глагола или нет» [2, с. 294] (разрядка наша – Р.Г.).

Сказанное выше свидетельствует о том, что в процессе межчастеречных глагольно-именных взаимодействий торжество склоняется на сторону глагола, и демонстрирует справедливость и перспективность идеи Потебни о существовании в языке общей тенденции к оглаголиванню имен. Правда, как уже отмечалось выше, при выдвигании идеи об оглаголиваннии имен Потебня учитывал прежде всего функционально-семантический аспект данного процесса, что и позволило акад. В. В. Виноградову обвинить его в идеализме [7, с. 339]. Однако, как было показано выше, и анализ формально-грамматического аспекта этого процесса выдвигает важнейшие аргументы в пользу гипотезы выдающегося ученого-лингвиста, поскольку подводит под нее собственно-языковую материальную базу. Кроме того, и дополнительный анализ функционально-семантического аспекта проблемы также подтверждает объективность гипотезы Потебни.

Таким образом, движение предикатного понятия от изосемичной, глагольной категории к неизосемичной, именной заключает в себе шаг к дальнейшему оглаголиванню и заканчивается возвращением в исходную, материнскую категорию. Сказанное свидетельствует о том, что глагол притягивает к себе предикатные слова именных частей речи, и демонстрирует справедливость и перспективность идеи Потебни о существовании в языке общей тенденции к оглаголиванню имен. Глубоко прав был Потебня, утверждая, что глагол является прогрессирующей категорией языка.

Выводы. Межкатегориальный переход признакового понятия в процессе словообразования ведет к обогащению и развитию системы глагола не только в лексико-семантическом отношении, но и в формально-грамматическом плане: в системе глагола происходит бурное становление вторичной (аналитической) лексемы, ср.: *равный – быть равным, равенство – находиться в равенстве, обнаруживать равенство* и т. д. В результате класс глаголов начинает включать не только традиционные глаголы, в которых вещественное значение признака и категориальные и субкатегориаль-

ные глагольные значения представлены в морфологическом синтезе, но и аналитические конструкции, в которых вещественное значение признака и категориальные и субкатегориальные глагольные значения представлены морфологически расчлененно, то есть аналитические глаголы субстантивного и адъективного типа, которыми говорящий оперирует как и глаголами синтетическими.

Список литературы

1. Адамец П. О семантико-синтаксических функциях deverбативных и deadъективных существительных / П. О. Адамец // Научные доклады высшей школы: Филологические науки. – 1973. – № 4. – С. 40–46.
2. Апресян Ю. Д. К построению языка для описания синтаксических свойств слова / Ю. Д. Апресян // Проблемы структурной лингвистики 1972. – М.: Наука, 1973. – С. 279–325.
3. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка : [монография] / Юрий Дереникович Апресян. – М.: Наука, 1974. – 367 с.
4. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл : [монография] / Нина Давидовна Арутюнова. – М.: Наука, 1976. – 383 с.
5. Арутюнова Н. Д. Русское предложение: Бытийный тип : (Структура и значение) : [монография] / Нина Давидовна Арутюнова, Евгений Николаевич Ширяев. – М.: Русский язык, 1983. – 198 с.
6. Бортэ Л. В. Анализ синтаксической категории условия (на материале русского языка I половины XIX века) / Л. В. Бортэ // Научные доклады высшей школы: Филологические науки. – 1979. – № 6. – С. 65–71.
7. Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.
8. Гайсина Р. М. Роль глагольной дистрибуции в становлении значения отглагольного прилагательного / Р. М. Гайсина // Исследования по семантике. – Уфа: Башкирский государственный университет, 1976. – С. 117–124.
9. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография : [монография] / Юрий Николаевич Караулов. – М.: Наука, 1976. – 356 с.
10. Митрофанова О. А. Отглагольные имена существительные в научных текстах / О. А. Митрофанова // Научные доклады высшей школы: Филологические науки. – 1973. – № 5. – С. 54–65.
11. Пешковский А. М. Глагольность как выразительное средство / А. М. Пешковский // А. М. Пешковский. Избранные труды. – М., 1959. – С. 101–111.
12. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике / А. А. Потебня. – Т. I–II. – М.: Просвещение, 1958. – 536 с.
13. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике / А. А. Потебня. – Т. III. – М.: Просвещение, 1968. – 591 с.
14. Степанов Ю. С. К универсальной классификации предикатов / Ю. С. Степанов // Изв. АН СССР. – Серия литературы и языка. – 1980. – № 4. – С. 311–323.
15. Супрун А. В. Грамматика и семантика простого предложения (на материале испанского языка) : [монография] / А. В. Супрун. – М.: Наука, 1977. – 263 с.
16. Уфимцева А. А. Лексическая номинация (первичная нейтральная) / А. А. Уфимцева // Языковая номинация: Виды наименований. – М.: Наука, 1977. – С. 5–85.
17. Чейф У. Значение и структура языка / У. Чейф. – М.: Издательство иностранной литературы, 1975. – 411 с.
18. Шатуновский И. Б. Коммуникативные функции слова и отношения мотивации / И. Б. Шатуновский // Научные доклады высшей школы: Филологические науки. – 1982. – № 6. – С. 17–23.
19. Янценецкая М. Н. Семантические вопросы теории словообразования : [монография] / Маина Николаевна Янценецкая. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1979. – 242 с.
20. Charitonova I. J. Theoretische Grammatik der Deutschen Sprache: Syntax / I. J. Charitonova. – К., 1976. – 178 p.
21. Lyons John. Towards a 'national' theory of the 'Part of Speech' / John Lyons // Journal of linguistic. – 1966. – Vol. 2. – № 1. – P. 209–236.

Гайсіна Р. М. Дієслово ↔ ім'я: взаємодія та взаємозбагачення / Р. М. Гайсіна // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 4, ч. 2. – С. 25–31.

Стаття присвячена теоретичному осмисленню та практичній аргументації проблеми міжкатегоріальної взаємодії «дієслово ↔ ім'я». Демонструється круговий рух ознакового поняття від ізосемічної категорії (дієслово) до неізосемічної (іменник) і навпаки – від іменної категорії до дієслівної, котрий демонструє силу дієслівного магнетизму та процес семантико-функціонального одієслівлювання імен.

Ключові слова: дієслівно-іменні взаємодії, дієслівна енергетика, міжкатегоріальний перехід поняття, семантико-функціональне одієслівлювання імен, тенденція до аналітизму в сфері дієслів, аналітичні ключові словосполучення, дієслівні лексеми.

Gaisina R. M. «Verb ↔ noun»: interaction and mutual enrichment / R. M. Gaisina // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 4, part 2. – P. 25–31.

The article deals with the theoretical comprehension and practical (on the material of the Russian Language) argumentation of the problem of intercategory interaction «noun ↔ verb». Demonstrated is the circular movement of the indicative concept from the isosemic categories (verb, adjective) to the non-isosemic (noun) and backward – from the nominal categories (noun, adjective) to the verbal one. The reverse to the verb precisely testifies, first, of the power of the verbal magnetism, and second, while being realized in the form of analytical verbal-nominal formations, of the display in the sphere of the verb as the most advanced category of the language trend to analytism.

Key words: Verbal-nominal interactions, verbal energetics, intercategory transition of the concept, semantic-functional verbalization of the nomens, trend to analitism in the sphere of the verb, analytic verbal lexical units.

Поступила в редакцію 14.10.2012 г.